

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

М.В. Зотова, А.Б. Себенцов

Зотова Мария Владимировна (Москва, Россия) — кандидат географических наук, научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН; Email: zotovam@bk.ru

Себенцов Александр Борисович (Москва, Россия) — кандидат географических наук, научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН; Email: asebentsov@gmail.com

**ЗАКАРПАТСКАЯ ОБЛАСТЬ: ПРАКТИКА ПРИГРАНИЧНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА НА ВОСТОЧНОМ ПОГРАНИЧЬЕ ЕС¹**

Статья посвящена анализу этнокультурных, исторических и социально-экономических факторов приграничного сотрудничества на восточных границах ЕС на примере Закарпатской области. В статье дана оценка демографическим и социально-экономическим показателям, проанализированы трансграничные градиенты на рассматриваемых участках границы, проведен анализ практики приграничной деятельности, включая оценку влияния границы на повседневную жизнь населения. Выявлено, что основными движущими силами трансграничного взаимодействия на изученных участках границы остаются выгоды использования перепадов цен на товары и услуги в разных странах и этнокультурная близость народов, проживающих по разные стороны границы.

Выделены основные вызовы приграничного сотрудничества, характерные для всего восточного периметра европейских границ.

Ключевые слова: экономика приграничного региона, приграничное сотрудничество, социально-экономические градиенты, Закарпатская область, Украина

M. Zotova, A. Sebentsov

Maria Zotova (Moscow, Russia) — PhD in Geographical Sciences, Research Associate at the Geopolitical Studies Laboratory of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences; Email: zotovam@bk.ru

Alexander Sebentsov (Moscow, Russia) — PhD in Geographical Sciences, Research Associate at the Geopolitical Studies Laboratory of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences; Email: asebentsov@gmail.com

¹ Работа выполнена при поддержке проекта РНФ №14-18-03621

TRANSCARPATHIAN REGION: CROSS-BORDER COOPERATION AT THE
EASTERN MARGINS OF THE EUROPEAN UNION

This article analyzes the ethno-cultural, historical and socio-economic factors, cross-border cooperation on the eastern borders of the EU as an example of the Transcarpathian region. The article assesses the demographic and socio-economic indicators, analyzes the cross-border gradients and the practice of cross-border activities including the assessment of the impact of the border on the daily lives of the population. The authors reveal that the main drivers of cross-border cooperation in the border areas in question are the benefits of using the differences in prices for goods and services in different countries and ethnic and cultural closeness of the peoples living on the opposite sides of the border. The authors describe the main challenges of cross-border cooperation typical for the entire eastern perimeter of the European borders.

Keywords: economy of the frontier region, cross-border cooperation, socio-economic gradients, Transcarpathian region, Ukraine

Объектом пристального внимания многих исследователей в последние годы становятся границы, статус и функции которых изменились в результате крупных геополитических трансформаций XX века, в том числе распада СССР, Югославии, Чехословакии, а также образования Европейского Союза. Изучение новых границ в Восточной Европе и России, эволюции их функций и роли в формировании политической повестки дня в постсоциалистических и постсоветских государствах приобрело особую актуальность в связи с задачами национально-государственного строительства.

Современные исследования границ ведутся на нескольких территориальных уровнях — глобальном, макрорегиональном, национальном, региональном и локальном [16]. В фокусе подобных исследований оказываются в первую очередь *приграничная деятельность*, связанная с трансграничными потоками и протекающая под влиянием близости границы; *пограничная политика*, под которой понимается выстраивание государственной и международной институциональной и правовой инфраструктуры; а также *сдвиги в идентичности и изменении восприятия границы* местными жителями [8, 25, 29]. На разных пространственных уровнях рассматриваются стимулы и ограничения приграничной деятельности, процессы внутренней и внешней территориальной интеграции. Важным аспектом исследований становится анализ экономических факторов, в том числе территориальных контрастов и структурных особенностей экономики приграничных регионов, определяющих сложившиеся трансграничные связи и перспективы развития различных форм экономического взаимодействия [1].

Рост территориальных контрастов между парами соседних регионов зачастую препятствует органичному региональному развитию, провоцирует возникновение незаконных видов деятельности (нелегальная миграция, контрабанда и др.) и может при определенных обстоятельствах дестабилизировать обстановку, вплоть до риска роста сепаратистских настроений [9]. Особенно остро этот вопрос стоит перед территориями, имеющими тесные этнокультурные и исторические связи с соседними государствами, отличающимися более высоким уровнем социально-экономического развития. Общая история и культура — хорошая основа для приграничного сотрудничества [5], но в случае возникновения кризисных ситуаций национальные меньшинства и их негласные лидеры превращаются в инфраструктуру неформального контроля над территорией [12]. В то же время чем ближе уровень экономиче-

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

ского развития соседних регионов, тем больше возникает предпосылок для успешного взаимодействия и сотрудничества [10].

Основная задача настоящей статьи — определить степень влияния различных факторов на развитие приграничного сотрудничества в Закарпатской области. Дана оценка демографическим и социально-экономическим показателям, проанализированы их трансграничные градиенты, кроме того, проведен анализ практики приграничной деятельности, включая оценку влияния границы на повседневную жизнь населения.

Основной информационной базой исследования стали региональные статистические материалы, программные документы приграничного сотрудничества, а также серии экспертных интервью, проведенных авторами с представителями власти, науки, бизнеса и некоммерческих организаций в Закарпатской области и в соседнем венгерском медье Сабольч-Сатмар-Берег в июне 2013 г.

Закарпатская область — часть восточной периферии Европейского союза и западной периферии постсоветского пространства. Государственная принадлежность и административные границы региона неоднократно изменялись вплоть до последнего времени. Территория Закарпатской области в разное время входила в состав Великой Моравии, Киевской Руси, Галицко-Волынского княжества, Венгерского королевства, Трансильвании (Семиградья), Турецкой империи, Австро-Венгрии, Чехословакии, Румынии, Советского Союза и современной Украины. Наиболее интенсивно она развивалась в составе Великой Венгрии (XII-XVI вв.), а затем в Австро-Венгрии. Полностью независимое государственное образование (непризнанная Карпатская Украина) существовало на этой территории только несколько дней в марте 1939 г. до оккупации венгерскими войсками весной 1939 г. [4]. После распада Союза область стала уникальным регионом современной Украины, граничащим сразу с четырьмя восточно-европейскими странами — Польшей, Словакией, Венгрией и Румынией.

Мозаичный национальный состав региона, сформировавшийся в условиях постоянного изменения государственной принадлежности, и особая идентичность населения, вызванная в том числе изолированностью орографическими причинами, оказывают значительное влияние на характер сотрудничества и плотность неформальных контактов с соседними странами.

Этническая структура населения Закарпатья претерпела определенные сдвиги: доля этнических меньшинств существенно сократилась вследствие ассимиляции и эмиграции, а доля украинцев выросла с 78,4% в 1989 г. до 80,5% в 2001 г. Тем не менее, одно из крупнейших меньшинств — русины² (в т.ч. бойки, лемки, гуцулы и др.) — оказывает существенное влияние на жизнь региона. Если по данным переписи 2001 г. их общая численность не превышала 10,2 тыс. чел. (менее 1% населения региона), то по оценкам представителей этнических объединений русин и некоторых экспертов [6] их гораздо больше — до 70 — 80%³. Свидетельством особой региональной идентичности стало голосование около 80% жителей Закарпатья за автономию области на региональном референдуме в 1991 г. Значительная часть населения тре-

---

2 Русины – группа восточнославянского населения Карпат, проживающая в Закарпатье, Восточной Словакии, Сербской Воеводине, юго-восточной Польше, Венгрии и северо-западной Румынии. Русин относят как к украинцам (мнение, распространенное в советской и современной украинской литературе), так и к отдельной этнической группе. Некоторые исследователи подчеркивали тяготение в прошлом русинов к русским и России, указывая на существовавшее в XIX веке среди русинов «москвофильское» движение, а также некоторые культурные и лингвистические особенности.

3 По оценкам Межрегиональной общественной организации «Объединение русинов», в конце 1979 г. в Закарпатской области насчитывалось 978 тыс. русин (78,4% населения региона).

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

бует признания русин отдельной от украинцев национальностью. На общегосударственных выборах регион существенно отличается по электоральному поведению от соседних областей Западной Украины⁴.

Венгерское и румынское меньшинства (соответственно 12% и 2,5% от всего населения области) также играют в регионе и особенно в районах их компактного проживания заметную роль. По данным последней переписи населения венгры в Береговском районе составляют 76% населения, в городе Берегово — 50%, а румыны в Тячевском и Раховском районах — 12,5%⁵. Венгры и румыны выступают с требованиями автономии, двойного гражданства и стремятся расширить свое представительство в районных и региональных органах власти.

Многokратная смена государственной принадлежности территории, сдвиги в расселении, изменение этнического состава населения оставили такой же глубокий след в культурном ландшафте региона, как и современная символическая политика, которая словно зеркало отражает восприятие и интерпретации исторических событий современной властью и местными сообществами. В контексте постоянного переосмысления прошлого на восточной границе ЕС, важными объектами исследования становятся исторические нарративы — монументы, памятные места, памятники реальным или вымышленным героям на приграничных территориях. В Закарпатской области с конца 1990-х гг. проводится активное изменение существующей системы исторических символов. В рамках политики центра множились символы исторической принадлежности Западной Украины к славянскому, а не румынскому или венгерскому культурному миру (памятник Т.Г. Шевченко и памятник закарпатцам — ликвидаторам последствий Чернобыльской катастрофы в Ужгороде и т.д.). В то же время для представителей отдельных групп национальных меньшинств знаки исторического единства с народом, живущим по другую сторону границы, имеют большое символическое значение. Яркими примерами являются памятник Стефану чел Маре⁶ в Солотвино, памятник Ференцу II Ракоци⁷ в Берегово, памятник Турулу⁸ в Мукачевском замке Паланок, памятники Шандору Петефи⁹, Августину Волошину¹⁰ и Александру Духновичу¹¹ в Ужгороде. Подобные символы хорошо заметны во всех районах компактного проживания данных национальных меньшинств.

Приграничное и многососедское положение не только дает регионам выгоды, но и порождает значительные риски (в т.ч. угроза сецессионизма, обезлюдения территории и вымывания наиболее активного населения). Оно требует повышенного внимания государства к приграничным территориям, часто выражающегося во введении специальных режимов хозяйствования. В 2000-е гг. для обеспечения приемлемого уровня социально-экономического

4 На Президентских выборах 2004 и 2010 г. В. Янукович получил в среднем в 2-4 раз больше голосов, чем в других регионах Западной Украины. На Парламентских выборах 2012 г. также победила «Партия регионов», которая в большинстве других областей Западной Украины не набрала и 20%.

5 Всеукраинская перепись населения 2001. <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/zakarpatia/>

6 Стефан III Великий (Штефан чел Маре) — господарь Молдавского княжества с 1429 по 1504 гг.

7 Ференц II Ракоци — князь Трансильвании, руководитель антигабсбургской национально-освободительной войны венгерского народа в 1703-1711 гг.

8 Турул — мифическая птица древних угров, которая по легенде принесла князю Ференцу II Ракоци, потерянный в битве меч.

9 Шандор Петефи — национальный поэт Венгрии, один из руководителей Революции 1848—1849 гг. в Венгрии.

10 Августин Волошин — Президент независимой Карпатской Украины 1939 г.

11 Александр Духнович — просветитель, поэт, священник, деятель русофильского русинского движения в Закарпатье.

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

развития в Закарпатской области был введен режим Специальной экономической зоны (СЭЗ), стимулирующей развитие сборочных и сопутствующих производств (автосборка, производство комплектующих, электроники и электротехники) на основе беспошлинного импорта сырья и полуфабрикатов и льготного вывоза готовой продукции [12].

В рамках СЭЗ «Закарпатье» в Ужгородском и Мукачевском районах и их центрах в 2001 году были открыты сборочные предприятия крупнейших мировых машиностроительных компаний и производства электроники (Flextronics, Škoda, Yazaki, Jabil Circuit). Динамичному развитию предприятий способствовали не только налоговые преференции (отсутствие ввозной пошлины и НДС на импортное сырье и оборудование), но и выгодное географическое положение (близость к границам четырех европейских государств), а также наличие квалифицированной и дешевой рабочей силы. Однако, после смены власти в 2005 г. в результате «оранжевой революции», вопрос функционирования СЭЗ перешел в политическую плоскость. Эксперты доказали, что украинские СЭЗ неэффективны и связаны с массовыми нарушениями законодательства и коррупцией, а налоговые льготы использовались как средство поддержки центральной властью лояльных ей региональных элит. Из-за множества нарушений (в первую очередь это касалось «донецкого оффшора») специальный налоговый режим СЭЗ был заменен на режим простого авалированного векселя — отсрочку уплаты НДС и таможенной пошлины со сроком платежа до 90 дней. В результате ряд предприятий-резидентов закарпатской СЭЗ существенно сократили и даже свернули свою деятельность: закрыт завод «Flextronics» в Берегово, упали объемы производства на заводе «Еврокар» (Škoda), заморожены планы строительства новых производственных площадок заводов «Flextronics» и «Jabil», сокращены сотрудники и приостановлены зарубежные контракты завода «Yazaki». После ликвидации СЭЗ социально-экономическая ситуация в регионе заметно ухудшилась. Поэтому все чаще слышатся призывы к возобновлению ее деятельности на принципах экспортных зон промышленного типа.

Социально-экономические контрасты. Интенсивность и характер приграничного сотрудничества во многом зависят от экономических особенностей граничащих между собой территорий, социальной обстановки и демографической ситуации.

В Закарпатской области демографическая ситуация достаточно стабильна: за последние 10 лет регион испытал лишь незначительное изменение общего числа жителей¹². Уменьшение численности населения впервые было зафиксировано в 1995 г. и за 7 лет составило 30,4 тыс. чел. (–2,4%). Главной причиной стал миграционный отток населения в страны ЕС, другие регионы Украины и Россию, который за 1990–2012 гг. составил порядка 50 тыс. чел. и лишь частично был компенсирован естественным приростом. Сильнее всего (в среднем на 5–7%) сократилось население Ужгородского, Межгорского и Великоберезнянского районов и Берегово (рис. 1), в том

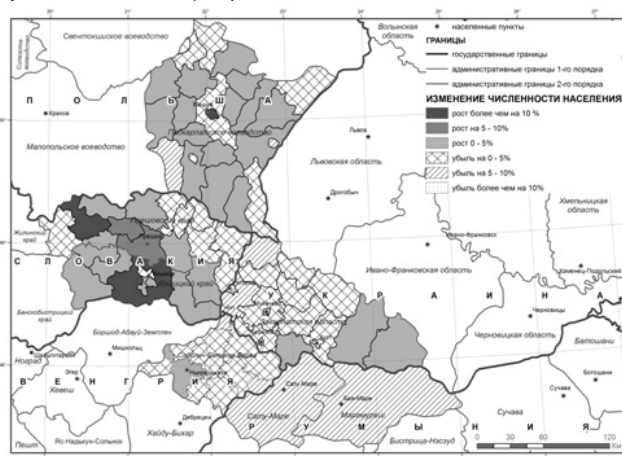

Рис. 1. Динамика численности населения Закарпатской области Украины и соседних регионов Польши, Словакии, Венгрии, Румынии (2001–2012 гг.). Рассчитано и составлено по: [13, 18, 23, 24, 27]

¹² За 1990–2012 гг. численность населения Калининградской области увеличилась на 7%, а Закарпатской – уменьшилась на 0,3 %.

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

числе в результате эмиграции населения, в первую очередь, этнических венгров, пользовавшихся программами облегченного получения венгерского гражданства. Демографическая ситуация в области стабилизировалась после 2008 г., когда начался существенный подъем рождаемости. В 2012 г. естественный прирост достиг максимальных за последние 20 лет значений (+3,3‰) при все еще отрицательном миграционном балансе (-0,4‰). Демографическая ситуация в соседних районах Румынии, Польши и Венгрии в целом схожая: большая часть соседних регионов теряет население. Наиболее сложное положение наблюдается в румынских жудецах Марамуреш и Сату-Маре, где наряду с естественной убылью продолжается интенсивный миграционный отток населения. Более благополучны граничащие с Закарпатьем районы Кошицкого края Словакии, поскольку в их населении значительна доля цыган, у которых рождаемость по-прежнему высока.

В отличие от демографических показателей, которые в целом сопоставимы, различия в уровне экономического развития более заметны. Наибольшие контрасты наблюдаются в Закарпатской части пограничья: душевой ВРП (по ППС) уступает аналогичному показателю Кошицкого края в 4,5 раза, а Подкарпатскому воеводству — в 3,5 раза (табл. 1). Менее значительны контрасты на украинско-румынском участке границы: Закарпатье уступает соседним жудецам Румынии в 2,5 раза. В то же время по абсолютным значениям ВРП (по ППС) Закарпатская область сопоставима с соседними жудецами Румынии и медье Венгрии. Однако эти регионы являются одними из самых отсталых в экономическом отношении областей как в своей стране, так и в ЕС в целом.

Таблица 1. ВРП в приграничных регионах, 2011 г.

Регионы	ВРП, млн. нац. валюта	ППС	ВРП по ППС, млн. дол.	ВРП на душу, нац. валюта	ВРП на душу по ППС, долл.
Закарпатская область (Украина)	18054	3,4	5263,6	14455	4214,3
Сабольч-Сатмар-Берег (Венгрия)	817314	123,7	6609,9	1476000	11936,9
Прешовский край (Словакия)	5546	0,5	10874,6	6860,7	13452,4
Кошицкий край (Словакия)	7464,2	0,5	14635,7	9580,6	18785,5
Подкарпатское воеводство (Польша)	57028	1,8	31334,1	26801	14725,8
Жудец Марамуреш (Румыния)	8483,1	1,6	5269,0	17722,6	11007,8
Жудец Сату-Маре (Румыния)	6186,3	1,6	3842,4	17964,6	11158,2

Рассчитано и составлено по: [2, 13, 14, 18, 21, 23, 24, 27]

По уровню развития промышленности Закарпатская область также заметно уступает европейским соседям. Наибольшие градиенты наблюдаются на границе Украины со Словакией: индустриально развитый Кошицкий край опережает Закарпатскую область по объему промышленного производства почти в 9 раз. Даже отсталые относительно своих стран приграничные румынские жудецы и венгерский медье Сабольч-Сатмар-Берег имеют трех-четырёхкратный перевес над Закарпатьем (рис 2). На их фоне неплохо выглядит только Уж-

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

городский район, где производится 50% продукции области и сконцентрированы основные предприятия бывшей СЭЗ «Закарпатье».

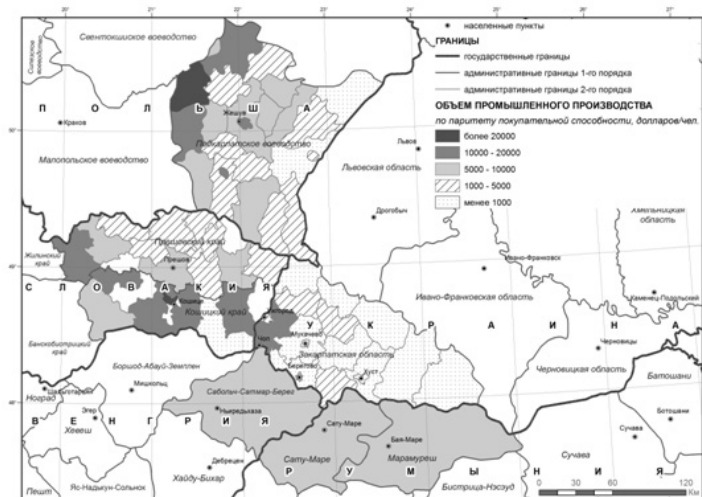

Рис. 2. Объем промышленного производства по ППС в Закарпатской области Украины и соседних регионах Польши, Словакии, Венгрии, Румынии (2012 г.).
Рассчитано и составлено по: [13, 18, 21, 23, 24, 27]

Социальная ситуация на российско-польском и российско-литовском участках границы также не отличается резкими контрастами. Уровень заработной платы в Калининградской области (по ППС) сопоставим с зарплатами в Клайпедском уезде и Варминьско-Мазурском воеводстве (см. табл. 2). На этом фоне немного выделяется лишь Поморское воеводство. Поляки в среднем несколько «богаче» россиян и литовцев, но литовское региональное сообщество менее сегрегированно по имущественному признаку, чем польское и российское.

Таблица 2. Среднемесячная заработная плата, 2012 г.

Регионы	Зарботная плата, нац. валюта	ППС	Зарботная плата по ППС, дол.
Закарпатская область (Украина)	2351	3,3	721,2
Сабольч-Сатмар-Берег (Венгрия)	162259	142,6	1137,8
Прешовский край (Словакия)	718	0,6	1237,9
Кошицкий край (Словакия)	853	0,6	1470,7
Подкарпатское воеводство (Польша)	3024,5	1,9	1559
Марамуреш (Румыния)	1389	2,0	687,6
Сату-Маре (Румыния)	1438	2,0	711,9

Рассчитано и составлено по: [2, 13, 14, 18, 22, 23, 24, 27]

Различия в уровне доходов между Закарпатской областью и соседними регионами ЕС

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

более существенны. Среднемесячная начисленная заработная плата (по ППС) в Закарпатской области в 2012 г. составляла чуть больше 720 долл., что в 1,5-2 раза меньше, чем в соседних регионах Словакии, Венгрии и Польши (см. табл. 3). Ее уровень сопоставим только с соседними наиболее «бедными» жудецами Румынии. Чуть выше, чем в среднем по области, заработная плата в Ужгороде, Чопе и Ужгородском районе, однако внутривнутрирегиональные градиенты (10-12%) существенно меньше трансграничных (рис. 3).

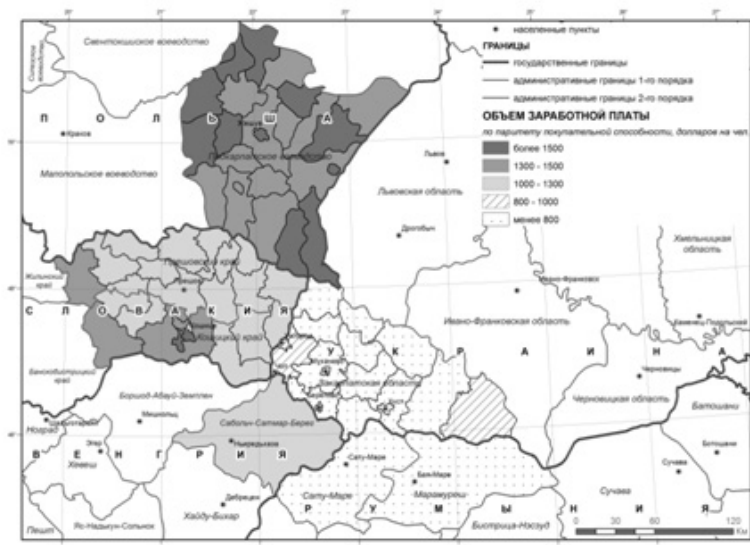

Рис. 3. Среднемесячная заработная плата по ППС в Закарпатской области Украины и соседних регионах Польши, Словакии, Венгрии, Румынии (2012 г.). Рассчитано и составлено по: [13, 18, 22, 23, 24, 27]

Таким образом, наличие существенных социально-экономических градиентов на восточном пограничье ЕС с соседями во многом определяет практику приграничного сотрудничества.

Практика приграничного сотрудничества изначально рассматривалась как способ компенсации острого социально-экономического кризиса, охватившего постсоветское пространство после распада СССР. С начала 1990-х гг. **на региональном уровне** под контролем центральных правительств государств шел процесс активного выстраивания **институциональной инфраструктуры и практик приграничного сотрудничества**. Закарпатская область в начале 1990-х была вовлечена в еврорегиональное строительство. В 1993 г. в Дебрецене было подписано Соглашение о сотрудничестве, которое предусматривало образование Карпатского еврорегиона, куда вошли приграничные районы Украины, Польши, Венгрии, Словакии, а в 1997 г. и Румынии. В 1994 г. создан Фонд развития Закарпатского региона, целью которого было поддержание контактов неправительственных организаций соседних стран, оказание взаимного технического и финансового содействия. Деятельность еврорегиона должна была включать решение общих проблем социально-экономического развития Карпатского региона, в частности, охрану окружающей среды, развитие туризма и рекреационной сферы. Однако эффективность еврорегиона также оказалась невысокой. По мнению украинских экспертов, основные причины — законодательная несогласованность, неразвитость институтов еврорегионального сотрудничества, а также низкая степень привлечения к сотрудничеству бизнеса, негосударственных и общественных организаций.

После расширения ЕС Закарпатская область была вовлечена в программы Приграничного сотрудничества, реализовывавшиеся по линии INTERREG, а также PHARE и TACIS. За-

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

карпатье участвовало в двух таких программах — «Венгрия-Словакия-Украина 2004 — 2006» и «Румыния-Украина 2004 — 2006». Основная часть проектов, отобранных при реализации этих программ, была направлена на сотрудничество в области охраны окружающей среды, развитие гражданского общества, культурные и научные обмены. Реализованные программы приграничного сотрудничества неоднократно подвергались критике со стороны экспертного сообщества. Эксперты отмечали, что проекты имели явный асимметричный характер: большая часть их средств расходовалась на территории стран ЕС с целью решения местных проблем, не оказывая серьезного воздействия на социально-экономическое положение соседних регионов, включенных в программу.

Проблема подобного перекося в сотрудничестве уже неоднократно поднималась в научной литературе [11; 19; 28]. Ее отмечали и опрошенные авторами представители правительственных учреждений и некоммерческих организаций области. В первую очередь такая асимметрия обуславливается сильными социально-экономическими различиями с соседними странами ЕС. Финансирование первых программ приграничного сотрудничества осуществлялось ЕС, а соисполнители из Закарпатской области имели в проектах статус партнеров без финансового участия и поэтому не могли лоббировать свои интересы. К тому же центры принятия решений о распределении грантов и управления проектами также находились в странах ЕС. Не последнюю роль играли и общие для всего постсоветского пространства проблемы: недостаточный уровень развития гражданского общества, нехватка специалистов, способных вести международные проекты и делопроизводство на английском языке, низкий уровень правовой грамотности.

С переходом к финансированию с помощью Европейского инструмента соседства и партнерства (ENPI) Закарпатская область приняла участие в двух новых программах приграничного сотрудничества (2007 — 2013). Главная из них — программа «Венгрия-Словакия-Румыния-Украина 2007–2013» с общим бюджетом 66,6 млн. евро [15]. В ее рамках до 2015 г. должно быть реализовано 45 проектов на общую сумму 16 млн. евро. Менее значима с точки зрения влияния на приграничное сотрудничество программа «Польша-Белоруссия-Украина», поскольку Закарпатье не относится к «основной территории программы». Однако область смогла получить по ней 8 проектов на сумму 6,3 млн. евро. Программы были направлены на поддержку экономического и социального развития (включая активизацию туристской индустрии на приграничной территории и улучшение общих условий конкуренции в бизнес-среде), защиту окружающей среды, улучшение проницаемости границ, поддержку кооперации между представителями гражданского общества, неформальных связей и обменов в сфере образования и культуры (people-to-people cooperation).

С точки зрения содержания и практики реализации программы приграничного сотрудничества ENPI 2007 — 2013 гг. отличались от первых программ INTERREG, PHARE и TACIS (2004–2006 гг.) в лучшую сторону. Сравнительно небольшие по объемам финансирования «мягкие» проекты¹³ все чаще дополняются крупными проектами, направленными на модернизацию или создание современной инфраструктуры. В Закарпатье удалось решить вопрос финансирования строительства и реконструкции пунктов пропуска, имеющих важное экономическое значение как для области, так и Украины в целом — «Лужанка-Берегшурань» на украинско-венгерской границе, «Дьяково-Халмеу» — на украинско-румынской и «Ужгород-Вишне-Немецке» — на украинско-словацкой границе. Другие важные проекты были связаны

13 К «мягким» проектам в практике приграничного сотрудничества обычно относят различные культурные, научные и образовательные обмены, форумы, круглые столы, выступления творческих коллективов и пр.

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

с решением актуальных для горных приграничных территорий вопросов, таких как организация противопаводковых мероприятий, внедрение нового управления водными ресурсами и сохранение лесного хозяйства.

Основными движущими силами **повседневного приграничного взаимодействия** на восточных границах ЕС остаются *экономический прагматизм* (выгоды использования перепадов цен на товары и услуги в разных странах) и *этнокультурная близость народов*, проживающих по разные стороны границы. По мнению многих экспертов, хорошее знание друг друга обеспечивает открытость для инвестиций и общность моделей ведения бизнеса и сотрудничества.

На украинско-венгерском участке неформальные, родственные и коммерческие связи активно поощряются венгерской стороной и находят выражение в многочисленных государственных программах поддержки соотечественников, проживающих за рубежом. В г. Берегово с 1994 г. действует Закарпатский венгерский институт им. Фаренца II Ракоци, спонсируемый венгерским правительством. Финансируются различные проекты развития венгерского языка и культуры. С 2001 г. многие жители приграничных с Венгрией районов получили «карту венгра» или «зеленый паспорт»¹⁴, а с 2010 г. после упрощения Венгрией соответствующих процедур и венгерское гражданство. Повсеместное использование венгерских флагов и символов, венгерского языка и даже венгерского времени породило в соседних с Закарпатьем районах Венгрии известную шутку: «С кем граничит Венгрия? С Венгрией!». Так или иначе, *венгерско-украинское пограничье — зона особого, привилегированного приграничного сотрудничества*. Таким образом, трансграничный характер расселения этносов, проживающих в Закарпатье, создаёт значительный потенциал частных, в том числе и родственных контактов и становится основой приграничного сотрудничества как в области экономики, так и в области культуры.

На украинско-румынском участке экономика культурного региона Марамуреш немного отличается от остальной части Закарпатья. Источник благосостояния населения здесь — заработки в России (преимущественно в Сибири) или в Европе. Экономическая слабость румынских приграничных регионов (Сату-Маре и Марамуреш) не позволяет институализировать сотрудничество и реализовывать крупные совместные проекты, требующие больших высокорисковых инвестиций (например, развитие бальнеологического курорта в соляных шахтах Солотвино, возобновление местного трансграничного железнодорожного сообщения и т.д.). Трансграничное сотрудничество ограничено преимущественно челночной торговлей и культурно-досуговой сферой.

Для многих жителей приграничных районов Закарпатья с высокой безработицей и низким уровнем жизни челночный бизнес остается одной из важных сфер занятости. Это заставляет население использовать малейшие различия в уровне цен по обе стороны границы. На венгерско-украинской и польско-украинской границах по обе стороны до сих пор работает сеть контрагентов, заработка для челнока до 25 — 50 долл. за одно пересечение границы. Главные товары с украинской стороны — это бензин, сигареты, алкоголь, сладости, со стороны

14 «Зеленый паспорт» – неформальное название документа, который выдавался венграм, живущим или даже родившимся за границами Венгрии. Его могли получить все этнические венгры и члены их семей при условии знания истории и языка Венгрии и наличия подтверждений проживания предков на территории Закарпатья, когда оно находилось под протекторатом Венгрии. Этот документ дает обладателям массу преимуществ: право на работу и проживание в Венгрии без регистрации, бесплатный проезд, льготное обучение в вузах (в некоторых случаях бесплатное), медицинское обслуживание, и даже ежемесячное пособие на каждого несовершеннолетнего ребенка в размере около 120 долларов.

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

стран ЕС — разнообразные продовольственные товары, продукция легкой промышленности, строительные материалы [26].

Другой пример использования украинцами выгод приграничного положения — повсеместное передвижение на машинах со словацкими номерами во избежание таможенных сборов и дополнительного налогообложения. Это, в свою очередь, стимулирует постоянные перемещения через границу, поскольку иностранная машина не может находиться на территории Украины больше определенного срока.

Усиление барьерности границы между Закарпатской областью и соседними регионами стран Восточной Европы после их вступления в ЕС привели к необходимости введения особых условий пересечения границы для жителей приграничных районов. Регламент Европейского Парламента и Совета от 20 декабря 2006 г. дал возможность государствам-членам ЕС заключать соглашения с соседними странами, устанавливая специальные правила местного приграничного движения (МПД)¹⁵ на внешних сухопутных границах.

Власти Украины первыми воспользовались новой возможностью для облегчения перемещения своих сограждан и к настоящему времени подписали соглашения о местном приграничном движении со всеми соседними странами — Венгрией (январь 2008 г.), Словакией (сентябрь 2008 г.), Польшей (июль 2009 г.), Румынией (апрель 2014 г.).

Сегодня в Закарпатской области наиболее эффективно работает соглашение о МПД с Венгрией, отличается большим охватом (до 50 км.) и простотой получения карт МПД. Ежегодно консульство Венгрии в Закарпатской области выдает жителям приграничных районов Украины порядка 12 тыс. таких карт. По данным Госпогранслужбы Украины, за последние полгода участниками МПД на украинско-венгерском участке границы стали порядка 1,5 млн. человек. По мнению опрошенных авторами экспертов Закарпатской области, для Венгрии МПД стало не только источником дополнительных доходов за счет увеличения числа приезжающих за покупками украинцев, но также и важным механизмом поддержания связей со своими соотечественниками.

На остальных участках успехи от введения МПД выглядят гораздо скромнее. На словацком участке количество пересечений границы в 7 раз меньше, так как процедура получения карточки МПД забюрократизирована, а разрешенная зона для передвижения составляет всего 30 км. На польском участке, несмотря на подписанные соглашения, режим МПД так и не запущен в связи с отсутствием в Закарпатье необходимой приграничной инфраструктуры.

Таким образом, евроинтеграционные устремления Украины, трансграничный характер расселения народов, составляющих основу закарпатского социума, не стали гарантом больших успехов в приграничном сотрудничестве Закарпатья с соседними странами. Этнические связи, которые хотя и позволяют достичь определенных результатов и появления зон привилегированного сотрудничества, в то же время способствуют сегрегации общества по национальному признаку. Принимая участие в программе ENPI, Закарпатская область постепенно движется по пути институализации приграничного сотрудничества и облечения его в цивилизные рамки, но это движение тормозится ограниченными финансовыми возможностями региона. Главной движущей силой на западных границах Украины по-прежнему выступает раз-

15 Малое приграничное движение (local border traffic) – особый режим для жителей приграничья (50 км от границы), позволяющий им при получении специального разрешения (карты МПД) посещать соседнее государство сроком не более 30-60 дней за одну поездку и не более 90 дней за полгода. Основание для введения малого приграничного движения – тесные родственные и человеческие связи между местными жителями по обе стороны границы.

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

ница в ценах на важнейшие потребительские товары, что способствует развитию различных видов приграничной торговли, в том числе и челночного бизнеса. Пользуясь терминологией Л.Б. Вардомского [3], такой тип сотрудничества можно назвать традиционным.

Существенной проблемой для Закарпатской области остается асимметрия приграничного взаимодействия. При существенных социально-экономических градиентах и недостаточном уровне развития гражданского общества сложно создать условия для равноправного партнерства, но ещё сложнее его реализовать.

Асимметрия заложена и в существующих моделях институционального сотрудничества, общие приоритеты которых определяются Европейским Союзом, а центры принятия важнейших решений находятся на территории европейских стран. Только европейская сторона имеет право определять стратегические задачи приграничного сотрудничества, в то время как восточным партнерам позволено лишь следовать в русле проводимой ЕС политики, выбирая из уже подготовленного для них перечня приоритетов.

С другой стороны, даже такое не вполне равноправное сотрудничество со всеми его рисками и издержками является источником новых возможностей для «слабых» партнеров. Оно позволяет ощутимо менять качество жизни в приграничных районах и способствует разрушению стереотипов и росту взаимного доверия, выстраиванию совместных бизнес-процессов, что в свою очередь может привести к формированию трансграничных функциональных регионов.

Библиография

1. Анисимов А.М., Вардомский Л.Б., Колосов В.А., Герцен А.А., Гриценко А.А., Зотова М.В., Себенцов А.Б. и др. Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины: состояние и перспективы // Евразийская экономическая интеграция. 2013. № 4 (21). — С. 76–96.
2. База данных показателей муниципальных образований. Федеральная служба государственной статистики. 2013 — <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst27/DBInet.cgi#1>
3. Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 216 с.
4. Вегеш М. Карпатська Україна. Документи і факти. — Ужгород: Карпати, 2004. — 432 с.
5. Гриценко А.А. Этнокультурный градиент и региональная идентичность в российско-украинско-белорусском порубежье // Известия РАН Сер. Географическая. 2011. №1. — С. 31–44.
6. Дуличенко А.Д. Карпатские русины сегодня: некоторые этнолингвистические аспекты // Славяноведение. 2005. №1. — С. 20–29.
7. Клемешев А.П. Российский эксклав на Балтике: эволюция эксклавности и поиск путей ее преодоления // Балтийский регион. 2009. №2. — С. 102–114.
8. Колосов В.А. Географические исследования государственных границ: новые вызовы и перспективы / Миграция в России: 2000-2012. Т.1, ч.2. М.: Спецкнига, 2013.
9. Колосов В.А. Зотова М.В. Российско-украинское пограничье: морфология, расселение, градиенты / Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства. М.: Новый хронограф. 2011. — С. 99–141.
10. Колосов В.А. Зотова М.В., Себенцов А.Б. Структурные особенности экономики и градиенты социально-экономического развития приграничных регионов Беларуси, России и Украины // Известия РАН. Серия географическая. — 2014. - №5. — С. 32–46.
11. Себенцов А.Б., Зотова М.В. Потенциал ЭГП Калининградской области: ограничения и перспективы реализации // Балтийский регион, 2013 №4 (18), Škoda. — С. 113-131.
12. Себенцов А.Б., Колосов В.А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире //

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

Полис. — 2012. — №2. — С. 31–46.

13. Статистичний збірник «Регіони України». (2012) Ч. I и II. — Київ: Держстат, 2013.

14. Database of Indicators. Statistics Lithuania. — 2013. URL: <http://db1.stat.gov.lt/statbank/SelectTable/omrade0.asp?SubjectCode=S3&PLanguage=1&ShowNews=OFF>

15. Hungary-Slovakia-Romania-Ukraine Cross-border Cooperation Programme 2007-2013. Joint Operation Programme ENPI. — Budapest, 2008. — 97 p.

16. Kolosov V. and Scott J. Selected Conceptual Issues in Border Studies // *Belgeo*. 2013, № 4. — P. 9–21.

17. Local Data Bank. Central Statistical Office of Poland. — 2013. URL: http://www.stat.gov.pl/bdlen/app/dane_podgrup.hier?p_id=945797&p_token=-1666235519

18. Melnik A. Institutional aspects of Ukraine and Poland's transborder cooperation: results and problems // *Regional transborder co-operation in countries of Central and Eastern Europe — a balance of achievements*. — Warsaw: PAS, 2006. — P. 117-137.

19. Official exchange rate (LCU per US\$, period average) — World Bank Database, 2013. URL: <http://search.worldbank.org/data?qterm=2263478>

20. PPP conversion factor, GDP (LCU per international \$). — World Bank Database, 2013. URL: <http://search.worldbank.org/data?qterm=2263478>

21. PPP conversion factor, private consumption (LCU per international \$). — World Bank Database, 2013. URL: <http://search.worldbank.org/data?qterm=1283456>

22. Regdat — Regional Statistics Database, Statistical Office of the Slovak Republic, 2013 URL: http://px-web.statistics.sk/PXWebSlovak/index_en.htm

23. Regional statistics. Hungarian Central Statistical Office. 2013 URL: https://www.ksh.hu/regional_statistics

24. Scott J. W. Euroregions, Governance and Transborder Co-operation within the EU // *European Research in Regional Science*. 2000. N 10. — P. 104–115.

25. Sowa B. Cooperation between small and medium-sized enterprises and other participants of the market in the Carpathian Euroregion // *Regional transborder co-operation in countries of Central and Eastern Europe — a balance of achievements*. Warsaw: PAS, 2006. — P. 159–165.

26. Sustainable Development Indicators at Territorial level for Romania (SDIT), 2013. URL: http://www.insse.ro/cms/files/IDDT%202012/index_IDDT_en.htm

27. Tanaka H. Carpathian Euroregion and Cross-Border Governance // *The Journal of Comparative Economic Studies*. 2006. Vol. 2. — P. 59-80.

28. Van Houtum H. Internationalisation and Mental Borders. // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 1999. Vol. 90. № 3. — P. 329–335.

29. Zdanowicz M. Local border traffic on the Polish section of the European Union external border. — Warsaw; Białystok: Oficyna Wydawnicza ASPRA, 2014. — 226 s.

References

1. Anisimov A.M., Vardomskii L.B., Kolosov V.A., Gertsen A.A., Gritsenko A.A., Zotova M.V., Sebentsov A.B. i dr. Prigranichnoe sotrudnichestvo regionov Rossii, Belarusi i Ukrainy: sostoianie i perspektivy // *Evraziiskaia ekonomicheskaia integratsiia*. — 2013. — № 4 (21). — s. 76-96

2. Baza dannykh pokazatelei munitsipal'nykh obrazovani. Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki. 2013. <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst27/DBInet.cgi#1>

3. Vardomskii L.B. Rossiiskoe porubezh'e v usloviakh globalizatsii. — M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009. — 216 s.

4. Vegesh M. Karpats'ka Ukraïna. Dokumenti i fakti. — Uzhgorod: Karpati, 2004. — 432 s.

5. Gritsenko A.A. Etnokul'turnyi gradient i regional'naia identichnost' v rossiisko-ukrainsko-beloruskom porubezh'e // *Izvestiia RAN Ser. Geograficheskaiia*. — 2011. — №1. — S. 31-44.

6. Dulichenko A.D. Karpatskie rusiny segodnia: nekotorye etnolingvisticheskie aspekty // *Slavianovedenie*. — 2005. №1. — S. 20-29

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

7. Klemeshev A.P. Rossiiskii eksklav na Baltike: evoliutsiia eksklavnosti i poisk putei ee preodoleniia // Baltiiskii region. – 2009. – №2. – s. 102-114
8. Kolosov V.A. Geograficheskie issledovaniia gosudarstvennykh granits: novye vyzovy i perspektivy / Migratsiia v Rossii: 2000-2012. T.1, ch.2.M.: Spetskniiga, 2013.
9. Kolosov V.A. Zotova M.V. Rossiisko-ukrainskoe pogranich'e: morfologii, rasselenie, gradienty / Rossiisko-ukrainskoe pogranich'e: dvadtsat' let razdelenogo edinstva. M.: Novyi khronograf. 2011. s. 99-141
10. Kolosov V.A. Zotova M.V., Sebentsov A.B. Strukturnye osobennosti ekonomiki i gradienty sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia prigranichnykh regionov Belarusi, Rossii i Ukrainy // Izvestiia RAN. Serii geograficheskaia. – 2014. - №5. – s. 32-46
11. Sebentsov A.B., Zotova M.V. Potentsial EGP Kaliningradskoi oblasti: ogranicheniia i perspektivy realizatsii // Baltiiskii region, 2013 №4 (18), s.113-131
12. Sebentsov A.B., Kolosov V.A. Fenomen nekontroliruemykh territorii v sovremennom mire // Polis. – 2012. – №2. – s. 31-46.
13. Statistichnii zbirnik «Regioni Ukraïni». (2012) Ch. I i II. Kiiiv: Derzhstat, 2013.
14. Database of Indicators. Statistics Lithuania. – 2013. <http://db1.stat.gov.lt/statbank/SelectTable/omrade0.asp?SubjectCode=S3&PLanguage=1&ShowNews=OFF>
15. Hungary-Slovakia-Romania-Ukraine Cross-border Cooperation Programme 2007-2013. Joint Operation Programme ENPI. – Budapest. – 2008. – 97 p.
16. Kolosov V. and Scott J. Selected Conceptual Issues in Border Studies // Belgeo, 2013, N 4. P. 9-21.
17. Local Data Bank. Central Statistical Office of Poland. – 2013. http://www.stat.gov.pl/bdlen/app/dane_podgrup.hier?p_id=945797&p_token=-1666235519
18. Melnik A. Institutional aspects of Ukraine and Poland's transborder cooperation: results and problems // Regional transborder co-operation in countries of Central and Eastern Europe – a balance of achievements. Warsaw: PAS, 2006. – pp. 117-137
19. Official exchange rate (LCU per US\$, period average) – World Bank Database, 2013. <http://search.worldbank.org/data?qterm=2263478>
20. PPP conversion factor, GDP (LCU per international \$). – World Bank Database, 2013. <http://search.worldbank.org/data?qterm=2263478>
21. PPP conversion factor, private consumption (LCU per international \$). – World Bank Database, 2013. <http://search.worldbank.org/data?qterm=1283456>
22. Regdat – Regional Statistics Database, Statistical Office of the Slovak Republic, 2013 - http://px-web.statistics.sk/PXWebSlovak/index_en.htm
23. Regional statistics. Hungarian Central Statistical Office. 2013 https://www.ksh.hu/regional_statistics
24. Scott J. W. Euroregions, Governance and Transborder Co-operation within the EU. // European Research in Regional Science. 2000. № 10. — P. 104-115.
25. Sowa B. Cooperation between small and medium-sized enterprises and other participants of the market in the Carpathian Euroregion// Regional transborder co-operation in countries of Central and Eastern Europe – a balance of achievements. — Warsaw: PAS, 2006. — P. 159-165
26. Sustainable Development Indicators at Territorial level for Romania (SDIT), 2013. http://www.insse.ro/cms/files/IDDT%202012/index_IDDT_en.htm
27. Tanaka H. Carpathian Euroregion and Cross-Border Governance // The Journal of Comparative Economic Studies. 2006. Vol. 2. — P. 59-80
28. Van Houtum H. Internationalisation and Mental Borders. // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 1999. Vol. 90. № 3. P. 329-335.
29. Zdanowicz M. Local border traffic on the Polish section of the European Union external border. — Warsaw: ASPRA-JR, 2014. — P. 226